

К. Тутаев

**С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЛАСТИ — С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ПОДВЛАСТНЫХ.
ДЖЕЙМС СКОТТ. «БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ ГОСУДАР-
СТВА...»***

Эта рецензия не является «рецензией» в классическом понимании этого слова. Скорее это инструментальная рефлексия социолога-эмпирика по поводу теоретической работы, направленная на обсуждение вопроса о том, как и в какой ситуации можно применять конкретный теоретический инструментарий. Однако разрешение этого вопроса в силу мультитеоретичности современных исследовательских работ невозможно без рассмотрения теоретических истоков и связей, которые определяют возможность сочетания концепций Джеймса Скотта с другими теоретическими концепциями и показывают «применимость» его концепции к комбинаторному использованию. Осветить эти аспекты творчества йельского профессора и стремится автор рецензии.

Теоретическая дискуссия о работах Скотта пока относительно скромна. В крупных западных журналах было опубликовано лишь две крупные рецензии на рассматриваемую книгу (Guttman 1993; Stimson 2000). Однако и они, критикуя Скотта с точки зрения «верности/ошибочности» его концепции, не пытаются соотнести его позицию с какими-либо теоретическими подходами.

Джеймса Скотта практически никогда не называют социальным теоретиком. Однако именно в такой роли он выступает для многих исследователей — формируя концептуальную рамку анализа, определяя их понятийный аппарат и логику эмпирических исследований (см. Kurtz 2000; Mitchell 1990). Определение рамки исследования и его понятийного инструментария и есть функциональное назначение теории. Соответственно то, что используется в таком качестве, является, с точки зрения прагматики научного производства, не чем иным, как научной рамкой.

* Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005. — (Scott James C. Seeing like a state. How certain schemes to improve the human condition have failed. London, New Haven: Yale University Press, 1998).

Однако сам Скотт умышленно контртеоретичен, избегая, где это только возможно, формулирования теоретических обобщений. Он пишет фукианскую археологию настоящего (у него много и других сходств с Фуко, но к этому я вернусь позже), а не социологическое исследование. Он описывает ситуации, из которых вольно делать «теоретические выводы» всем желающим. До сих пор его никто не заставил написать подобие «Археологии знания» — с целью обобщить собственный метод и произвести на свет некий теоретический текст.

В начале этой работы я хотел бы остановиться на кратком изложении концепций Скотта, а затем последовательно показать близость его концепций теоретическому видению М. Фуко и Г. Гарфинкеля, а завершить работу кратким собственным мнением о возможности комбинирования подходов Скотта с другими теоретическими подходами. Отдельно стоит пояснить, почему я начал сравнивать Скотта именно с этими теоретиками, а не с кем-то иным. Пронизывающая все работы данного автора тематика вездесущей власти не может не вызвать самых прямых ассоциаций с работами Мишеля Фуко. Внимание же Скотта к повседневному, нерелексируемым практикам как основе окружающего мира вызывает вполне естественное желание сравнить его с Гарольдом Гарфинкелем.

Джеймс Скотт: общий контур

Несмотря на относительную популярность идей Джеймса Скотта среди отечественных социологов (особенно среди т.н. «шанинской школы»), я допускаю, что не все знакомы с его текстами, и позволю себе кратко пересказать основные его идеи.

Книги Джеймса Скотта посвящены проблемам выживания современных крестьянских обществ. Предметом его внимания становились крестьянские сообщества в Бирме, Вьетнаме, других странах Юго-Восточной Азии. На полевых материалах он и начал выстраивать свою концепцию. Позднее его внимание привлекли другие регионы — Россия, Германия и др. Основные проблемы его исследований касались форм существования «на грани голода», вопроса о том, как происходит выживание в условиях, когда, с точки зрения «цивилизованного человека», выжить невозможно.

Все работы Скотта можно условно разделить на четыре группы. Во-первых, это исследования, направленные на понимание механизмов взаимной поддержки в сообществах, существующих в условиях риска для физического выживания. Во-вторых, и это можно назвать «вторым теоретическим этажом» его концепций, это исследования обмена «скрытыми посланиями» между «богатыми» и «бедными» в локальных сообществах. При этом в качестве «богатых» Скотт рассматривает всех, кто облечен той или иной формой власти — государственной, финансовой и так далее. Языком же скрытых посланий выступают со стороны богатых* (или государства, что в концепции Скотта практически синонимично) политики (стратегии) изменения реальности, со стороны же бедных — тактики сопротивления, направленные на сохранение существующей реальности, если и не всегда любой ценой, то всегда вопреки государственным инициативам.

* Далее я, вслед за Скоттом, буду употреблять этот термин без кавычек.

И, наконец, третьим «теоретическим этажом» оказывается вопрос о том, как и для чего формируется государственная политика в отношении бедных — та самая государственная часть «послания к противникам». Именно этому вопросу посвящена рецензируемая книга, рассказывающая о том, как государство стремится реструктурировать пространство и людей для своих целей, сделать их пригодными для управления и учета.

Государственные проекты переустройства мира всегда так или иначе проваливаются. Этот тезис Скотт раскрывает на очень большом количестве примеров. Так, например, проекты переустройства лесов в Германии провалились в силу того, что лесоводы забыли о том, что подлесок и прочие «непродуктивные» составляющие леса играют в его воспроизводстве несколько не меньшую роль, чем «полезная древесина». В результате возвращать леса к исходному состоянию стоило больших усилий и немалых инвестиций.

Здесь важно понимать, что под «провалом» Скотт понимает не гибель некоей сферы или некоего начинания (хотя приводит и такие примеры), но реализацию его в виде, столь далеком от задуманного, что считать ситуацию результатом неких осмысленных усилий весьма сложно, если не невозможно в принципе. Наилучшей иллюстрацией этой идеи будет пример «градостроительной авантюры» Ле Корбюзье — проект Бразилиа. Город не смог жить по заложенным в него проектировщиками правилам и вынужден был так или иначе отойти от этого и путем постепенного преобразования созданного по проекту пространства создать пространство, пригодное для жизни.

Ключевой причиной провала таких проектов Скотт считает неучет (да и невозможность учета) проектировщиками такого явления, как «метис». Слово это означает совокупность повседневных навыков, без которых не может осуществиться никакое действие или взаимодействие.

Джеймс Скотт и Мишель Фуко: два пути к одной мысли

В книгах Джеймса Скотта, как в книгах любого нормального англосакса, практически невозможно найти ссылки на Мишеля Фуко. Однако это не мешает им говорить, по сути, об одном и том же.

Начать, безусловно, необходимо с единства, по сути своей, того, что они называют своим методом. На первый взгляд, это не совсем так. Фуко говорит о том, что его работы являются историческими, акцентируя тот факт, что относятся они не к социологии или, если угодно, философии, и говорит об «историческом методе, свободном от антропологических примесей» (Фуко 1996а: 17). Скотт же, хотя и работает всю свою сознательную жизнь профессором в области *political sciences*, не противится, когда его называют социологом. Но суть их исследований — археология повседневных практик властвования — остается единой.

Основным фокусом интересов и того и другого оказывается власть. Однако власть они понимают весьма своеобразно (хотя и почти одинаково). Это не веберовская монополия на легитимное насилие и не власть политическая. Это в обоих случаях способность перформативировать дискурс — формировать наше представление о мире и наше бытие в мире через изменение системы понятий о мире (Фуко 2002: 58). Говорить о таком понимании власти Фуко — уже своего рода социологический трюизм, но скоттова власть — не всегда конкретизиру-

ванная, но всегда направленная на изменение представлений мире: «...государственные упрощения, основная данность в управлении государством с начала Нового Времени, были, как я начал понимать, похожи на упрощенные планы местности» (Скотт 2005: 19). То есть, некая унификация, превращение пространства или человека в единообразное, пригодное для управления явление — вот основная задача власти. Не стоит смущаться термином «власть»: так, например, ученый подробно рассматривает на уровне теории схематизирующую роль власти, а уже на следующей странице, переходя к примерам, приводит их исключительно из практики действий французских корпораций по отношению к своим работникам, и наоборот (Скотт 2005: 494).

Для Фуко также непринципиально, что считать государством — «Завод [как пространство власти — *К. Т.*] явственно уподобили монастырю, крепости, закрытому городу» (Фуко 1999: 206). Кто оказывается носителем дисциплинирующей власти в этом случае? Администрация завода, а никак не власть государственная. Дискретность власти, ее непривязанность к носителям власти политической, стремление власти к производству упрощенных схем — главный объединяющий базис, на котором стоят работы Мишеля Фуко и Джеймса Скотта.

Производство схем стоит, кажется, рассмотреть подробнее*. Для Скотта стремление к производству схем, на первый взгляд — атрибут далеко не всякой власти, но лишь той, которая отвечает четырем важнейшим предпосылкам: стремление привести в порядок природу и общество (административное рвение), идеология высокого модернизма,** авторитарное государство и обесиленное гражданское общество. Однако очевидно (и самому Скотту в том числе), что проявление властных схематизаций имеет место, например, и в современной Франции (Скотт 2005: 495). Рассмотрим, в чем заключается суть этого производства: «... писал ли он [Ленин] о революции, индустриальном планировании, сельскохозяйственной или управленческой организации, он сосредотачивал свое внимание на единственно научном ответе, который был известнее образованной интеллигенции и которому все должны были следовать» (Скотт 2005: 240). То есть схематизация есть, по сути, взгляд на мир через очки научного знания, помноженный на убежденность, что именно так он предстает в единственно правильном и максимально полном виде.

Чем же отличается дисциплинарное пространство Фуко от схематизации у Скотта? Практически ничем. Даже юридические кодексы эпохи Просвещения один рассматривает как орудие схематизации (Скотт 2005: 154), а другой — как орудие дисциплинирования (Фуко 1999: 212). Важным является лишь то (позволю себе это оценочное высказывание), что на сцену фукианского театра все-

* Я полагаю, что производство дисциплинированного индивида у Фуко не стоит рассматривать столь подробно.

** Важное для Скотта понятие, которое мы, тем не менее, оставим в стороне. Суть его состоит в «мускулистой» вере в рациональность социального порядка и стремлении любой ценой этот рациональный социальный порядок реализовать. Она является следствием «небывалого прогресса науки и техники на Западе». Классическим примером реализации идеологии высокого модернизма может служить проект социальных преобразований, реализованный в России большевиками (Скотт 2005: 21).

непрерывно выходит злой гений дисциплинирования. Скотт же относится к своим «клиентам» едва ли не с добродушным сочувствием, описывая, как проваливались раз за разом высокомодернистские проекты преобразования мира.

Ключевым различием между ними оказывается вопрос о том, что же происходит с дисциплинарными схемами далее. Мир Фуко — мир победившей, всеобъемлющей дисциплины — пространство дисциплинированных тел. Мир Скотта — мир рухнувших проектов схематизации — пространство торжества недисциплинированности и контрсхематичности. Так выглядит и сама конструкция рассматриваемой книги — от описания истоков и процесса схематизации к самому процессу через описание, одного за другим, провалившихся проектов упрощения мира и, наконец, к описанию той силы, которая противостоит этой схематизации. По Фуко, «дисциплинированный солдат начинает повиноваться всему, что бы ни приказали; его повиновение быстро и слепо; тень непослушания, малейшая задержка были бы преступлением» (Фуко 1999: 241), ибо дисциплинированность — это не подчинение дисциплине, но инкорпорированность ее, когда основным карателем выступает сам нарушитель. Для Скотта же основной реакцией на схематизацию оказывается сопротивление, основным же инструментом этого сопротивления — метис.

Сопротивление и прагматическое знание: этнометодология и Джеймс Скотт

Джеймс Скотт оказывается одновременно крупнейшим исследователем этнометодологом и крупнейшим ниспровергателем этнометодологии как научной и теоретической позиции.

С одной стороны, категория метиса обращает внимание именно на ту часть повседневной деятельности, на которую столь внимательно предлагают смотреть этнометодологи. Предлагаемые исследования «...трактуют практическую деятельность, практические обстоятельства и практические социологические рассуждения в качестве тем для эмпирического изучения и, направляя внимание, обычно уделяемое экстраординарным событиям, на самые обычные действия в повседневной жизни, стремятся исследовать их как самостоятельные феномены. Основное их заключение состоит в том, что действия, посредством которых члены производят обстановку организованных повседневных занятий и управляют ею, идентичны процедурам, при помощи которых члены делают эту обстановку “объяснимой”» (Garfinkel 1967: 1)*.

Так и Джеймс Скотт, рассуждая о метисе, обращает основное внимание на то, каким именно образом человеку удастся «приспосабливаться к постоянно изменяющейся ситуации и... понимать... своих противников» (Скотт 2005: 499), присоединяясь, таким образом, к стремлению Гарфинкеля объединить практики телесные и рефлексивные. При этом метис столь же широк, как и предмет исследования этнометодологов. «Такие сложные и рискованные деятельности, как военная дипломатия и политика, вообще представляются навыками, исполненными метиса. Успешный практик в каждом случае пытается влиять на поведение партне-

* Здесь и далее перевод А. Корбута по: Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4.

ров и противников применительно к собственным интересам. В отличие от моряка, который вынужден приспособливаться к ветру и волнам [а это тоже метис — К. Т.], не влияя на них непосредственно, генерал и политический деятель находят-ся в постоянном взаимодействии со своими коллегами» (Там же: 501).

Однако есть и принципиальные различия. Первое состоит в том, что программа этнометодологии ориентирована на создание эффективной инструкции — полевого исследования этих самых практик. Скотт же утверждает, что «сама эмпирическая природа метиса не позволяет исследовать подобные навыки» (Там же). Таким образом, то, что Скотт описывает как некую непознаваемую основу всего и вся, для этнометодологов становится предметом конкретных исследований.

Второе принципиальное различие состоит в подходе к цели практического знания. Для Гарфинкеля «... кодировщики прибегают к соображениям *ad hoc* — и практики *ad hoc-ing* используются — с целью опознания того, о чем определенно говорят инструкции» (Garfinkel 1967: 25). То есть деятель применяет практическое знание в дополнение к инструкциям и во имя их совершенствования. Скотт же акцентирует роль метиса как орудия «сопротивления слабым», хотя и не отрицает того факта, что «навыки метиса могут использовать и общепринятые правила» (Скотт 2005: 502), однако именно в этой цитате нам становится как никогда видно различие — первичен метис, он может жить без инструкций. В смысле же этнометодологическом *ad-hocing* и вообще действие никогда не направлено на борьбу с этой самой инструкцией.

Заключение

Вопрос о том, насколько возможно в будущих исследованиях выстраивание трехчастной теоретической структуры, центрированной на исследованиях Джеймса Скотта и связанной с фукианской и этнометодологической традициями, остается, безусловно, открытым. Однако кажется важной сама постановка вопроса — не поиск противоречий или скрытых контрадикторностей в теоретических работах, но поиск общего начала, которое позволило бы рассматривать некий комплекс теорий как единый теоретический инструмент.

До сего дня в русскоязычной дискуссии рассматривалось лишь соотношение работ Джеймса Скотта и трудов Карла Поляни (Никулин 2003). Это, безусловно, важное соотнесение, но оно практически не дает нам расширения базового взгляда в силу родства и большой близости концепций этих двух авторов.

Попробую предложить некий проект исследования, дабы проиллюстрировать возможности применения этой теоретической связки. Последние несколько лет я занимаюсь изучением коррупционных схем в отечественном высшем образовании (см., напр., Титаев 2005) и могу предложить трехчастную модель такого описания. На первом уровне описываются повседневные техники студентов и преподавателей по обмену дарами (и/или связями), на втором — практики вписывания их в эту реальность и дисциплинирования в реальности провинциального вуза. На третьем уровне описывается скоттовский «обмен посланиями» между этими двумя уровнями.

Литература

Никулин А. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 1 (4). С. 130–140.

Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005.

Титаев К. Почем экзамен для народа? Этюд о коррупции в высшем образовании // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 2. Март.

Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002.

Garfinkel G. Studies in Ethnomethodology. New Jersey: Prentice Hall Inc., 1967.

Guttman M. Ritual of Resistance: A Critique the Theory of Everyday Forms of Resistance // Latin American Perspectives. 1993. Vol. 20. No 2.

Kurtz M. Understanding Peasant Revolution: From Concept to Theory and Case // Theory and Society. 2000. Vol. 29. No 1.

Mitchell T. Everyday Metaphors of Power // Theory and Society. 1990. Vol. 19. No 5.

Stimson S. Rethinking the State: Perspectives on the Legibility and Reproduction of Political Societies // Political Theory. 2000. Vol. 28. No 6.